

* * *

Я пробуждался, понимая, мир ничей,
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячи лучей –
Так было утром, в радужном июле,
Когда гулял по полю суховей.

И не было росы, и мир ещё был сух,
И было всё вокруг теплом увито,
И от стогов, неубранного жита
На небо возносился русский дух,
Освобождённый от назойливого быта.

И утро возрастало тихо-тихо,
И славили священные миры
В полётах вдохновенно комары,
Которых соблазняла комариха
Укусами зевотной детворы.

* * *

Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ,
Шёл на свет, как за правдой историк.

И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав,
И что все мы с рождения грезим.

И я шёл напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок,
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетёрок.

И когда в захолустье я сделал привал,
Мне открылись холодные звёзды.
И одну я всю ночь напролёт согревал,
И воспели любовь алконосты.

* * *

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Делившей всех на мёртвых и живых.

Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немыта, и лукава,
На ней исчезли воины, вожди.

Но кто она? Истопанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа.

И я по ней иду и шаг за шагом
Растрачиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.

* * *

Сень родовых крестов
Слышу зовёшь, зачем?
Мне не найти слов,
Будто бы глух и нем.

Скрыта среди домовин,
Превращена в труху,
Что тебе за помин?
Нужен как на духу.

В душу ко мне не лезь,
Что тебе до меня?
Молвь, почему я здесь,
Может, моя родня?

Были меж круч ветра,
Прошлого слышу зов,
Это в золе костра
Сень родовых крестов.

* * *

Я ожившее солнце таскал на плечах,
Не внимая смертельности жара,
Запах воли пытливо шатался в хлебах,
Пересчитывал метры гектара.

И колосья, что быстро ушли на размол,
Меня молча добром поминали.
От палящего света я всё же ушёл
В Божий сумрак предвечной печали.

Подгонял меня нервно всюю солнцепёк,
И дымился вспотевший затылок,
Но я шёл неотступно, не пал и не слёг
Под прощальные взмахи дробилок.

И сидел я один, слушал ропот костра
И смотрел в необъятность юдоли,
И за солнцем ушла молодая жара,
Мне оставив загар цвета смолы.

* * *

Чародейные речи
О грядущем отлёте
Журавлиное вече
Заведёт на болоте.

Эти сроки настали,
Но выходят, однако,
В листопадном запале
По следам полумрака.

Прокурлыкают птицы
Тростнику и осоке,
Одиноким влюбиться
Уготовлено в сроки.

Посбиваются клином
Журавли над землёю,
Я небесным тишинам
Своё сердце откроею.

ТРАВНИЦА

Ей сложно выходить уже на двор
И ощущать и снег, и дождь щеками;
Она жива, но только до сих пор
Чего-то ждёт молельными ночами.

Сроднился с ней изношенный халат,
Согрелось сердце в козьей безрукавке.
Кто прав был в прошлом, а кто виноват,
Она решает в повседневной давке.

К ней приезжают все: и стар, и млад,
Из дальних деревень, и городские,
Калеки, алкоголики, глухие.
И сквозь отчитку слышен перемат.

И трав сушёных у неё избыток,
Для каждого особый есть отвар,
И не берёт старушка гонорар
За грешных исцеляющий напиток.

Багульник, зверобой, аир, иссоп,
И мех, и мясо им убитой дичи
Приносит ей чахоточный лесничий,
Ей хилый плотник приготовил гроб.

С лесов, полей, болот, долин и рощ,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвощ.

Её сосед – безрукий долговяз –
Всё носит ей акафисты, просфорки –
От сельского священника наказ,
Который хуже самой жёсткой порки.

Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.

И плачет в одиночестве навзрыд,
И кается впотьмах под образами,
И верит, что Христос её простит
И примет с искуплёнными грехами.

* * *

Дождей приблизились обстрелы,
И влагой пажити дымят,
Никто не видит кукушат:
Движения птенцов несмелы,
Они в неведомость глядят.

Им кажется, что вдоль опушки,
Где бродит кто-то, но не я,
Где рыки чудятся зверья,
Где девы плачут от присушки,
И молят Бога кумовья,

Где свет подвластен дымным лохам,
И шелест манит пустельгу,
Чья тень скользит по лозняку,
По травам чахлым и подсохлым,
Летит прощальное ку-ку...

* * *

Я чувствую: полететь холод кроток,
Он ощутим тобой и мной едва.
Поманит мгла в подлунный околоток,
Рождая на пути земном слова.

Навстречу мне из дождевой утробы
Спускаются по тучам и воде

Мои мечты – блаженные зазнобы,
Их след зеркальный стелется везде.

Швырнут деревья красные обноски,
Склонится вниз соломенный лопух,
Застынет мир, и в багрянистом воске
Свеча вселенной согрывает дух.

* * *

Наступит вскоре паутины лёт,
Покажется, что лето вновь напрасно
Связало дни мои крестообразно.
Они останутся, когда оно уйдёт,
И будет на сырых дорогах грязно.

И на прощальный сев озимой ржи
Туманы приведёт летопроводец,
В поля заступит время безработиц,
Коротких дней, и холода души,
И звёзд, сковавших до весны колодец.

И буду говорить душе я вслух,
И в ожиданьи скорого ответа
С печальной улыбкой домоседа
Почувствую тепло весны, и вдруг
Вернётся в сердце неземное лето.